

ГАНГЕБЛОВ,
поручик л[ейб]-г[вардии]
Измайловского полка

№ 1

О П И С Ъ

делу о поручике л[ейб]-г[вардии]
Измайловского полка Гангеблове

Число бумаг	Страницы в дел
1. Допрос, снятый ¹ с поручика Гангеблова генерал-адъютантом Левашевым	с 1 по 3
2. Вопросы поручику Гангеблову с его ответами	— 3 по 5
3. Вопросы поручику Гангеблову от 17 февраля	— 5 по 8
4. Ответы его на оные	— 8 по 12
5. Вопросы поручику Гангеблову от 28 апреля с ответами его на оные	— 12 по 17
6. Прибавление к оным ответам	— 17 по 20
7. Таковое же прибавление	— 20
8. Очная ставка ему, Гангеблову, с корнетом Свистуновым 14 мая	на 21
9. Прибавление к последним ответам	— 22
10. Формулярный о службе его список	с 23 по 25
11. Выписка из показаний на его, Гангеблова, разных лиц	на 25
12. В копии записка из дела с высочайшею резолюциею	на 26 и 27
13. Копия с отношения к генерал-губернатору	на 29 ²

Надворный советник Ивановский // (л. 23)

¹ В подлиннике ошибочно: «Вопросы, снятые».

² 12-й и 13-й пункты описи вписаны рукою А. А. Ивановского.

Копия с формулярного списка о службе поручика
Выписана из списка, доставленного

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился				
			чины	годы	месяцы	числа	полки и батальоны	годы	месяцы	числа	
Поручик Александр Семенов сын Гангблов	25	Сын генерал-майора. Греко-российского верноподданя	Пажом	813	Июля	Февр[аля]	2	В Пажеском корпусе По высочайшему приказу произведен лейб-гвардии в Измайловский полк прапорщиком В сем полку	821	Мар[та]	26
			Камер-пажом	820							
			Подпоручиком	822	Апрел[я]	21					
			Поручиком	825	Июня	18					

№ 3 (1) ³

№ 67

Чин и имя ваши?

Кем были приняты в тайное общество и что вам было сказано ⁶?

Кого вы знали сочленами?

В день происшествия где вы были?

Где вы присягали?

Измайловского полку поручик Гангблов, присягал с загородным батальоном.

В апреле или мае принят я был в тайное общество корнетом Свистуновым ⁴. Намерение общества было дать государству Конституцию. Отрасли оно старались уничтожить вражду, существующую между всеми славянскими поколениями ⁵, и оным составить одно нераздельное политическое тело. О средствах достижения сей цели не успел я ничего узнать. Свистунов ⁷ был в отпуску на Кавказе, а по возвращении ⁸ не удалось ⁹ мне его одного видеть.

Никого сочленами я не знал, а кроме подпоручика Лаппы ¹⁰, который жил со мною вместе, принадлежал оному обществу с 1819 года, но я об оном узнал токмо тогда, когда был арестован.

В день происшествия я был в Петергофе // (л. 1в об.) и поутру 14 числа получил известие от подпор[учика] Кожевникова ¹⁰, что несколько человек из них решились умереть, но не присягать. Видя, что записки сей огласить вовремя я более не могу, я решил оную сжечь, ибо в Петербург пришла бы она ¹¹ после происшествия, а в своем батальоне уверен был я в совершенном спокойствии ¹², а запиской сей боялся людей встревожить.

Во время присяги я был с ротой, и нимало не противился принятию оной ¹³. С тех пор был безвыездно в Петергофе и, наконец ¹⁴, арестован полковником вчерашнего дня.

³ Вверху листа помета карандашом: «В Кроншт[адтскую] креп[ость]».⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.⁵ Слово «поколениями» вписано над строкой вместо зачеркнутого «народами».⁶ Ниже на полях вертикальная пометка карандашом: «17 фев[раля]».⁷ Фамилия вписана над строкой вместо зачеркнутого: «он».⁸ Далее зачеркнуто: «его».⁹ Далее зачеркнуто: «ему».¹⁰ Фамилия подчеркнута карандашом.¹¹ Далее зачеркнуто: «после».¹² Здесь вставка. Слова «а запиской... встревожить» написаны на полях.¹³ Слово «оной» вписано над строкой вместо зачеркнутого «оной присяги».¹⁴ Слово «наконец» вписано над строкой.

лейб-гвардии Измайловского полка Гангеблова
от 1 генваря 1826 года // (л. 23 об. — 24)

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли	В домашних отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок	В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда	Холост или женат, и имеет ли детей	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	К повышению по-стоин, или за чем именно не арестуется
Не бывал	Французский, немецкий, алгебре, геометрии, тригонометрии, коническим сечениям, высшей геометрии, сниманию мест, фортификации, долговременной и регулярной атаке, обороне крепостей, артиллерии, физике, черчению планов и рисовать	822 с генваря 2 на 28 дней, 825 ноября с 5 на 3 месяца	Не бывал	Холост	С 25 декабря 825 находится под арестом на гауптвахте	До-стоин

Подлинный подписал: командир полка полковник Симанский
и засвидетельствовал: генерал-адъютант Бистром
Верно: начальник отделения Андреев // (л. 1в)

Кого вы в своем полку сочленами знали?

Кроме Лаппы¹⁵, никого сочленами не знал и сего уже узнал наконец. Извещение же, полученное мною от Кожевникова¹⁵, было токмо по связи приятельской между нами, но сочленами общества я их не считал. Сам же я нимало не полагал, чтоб общество, коему я при // (л. 2) надлежал, имело столь злые намерения и употребило¹⁶ меры столь жестокие. Чувствую вполне свою вину, с искренним раскаянием упадаю к стопам государя и прошу милостивого взгляда.

Все по истине показал лейб-гвардии Измайловского полка поручик Гангеблов¹⁷

Генерал-адъютант Левашов // (л. 5)

№ 4 (3)¹⁸

1826 года февраля 17 дня¹⁹ в присутствии высочайше учрежденного Комитета для изыскания о злоумышленном обществе лейб-гвардии Измайловского полка поручик Гангеблов спрашиван и показал:

Как ваше имя, отчество и фамилия, какого вы исповедания, сколько вам от роду лет, ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия или нет и почему? Не были ль под судом, в штрафах и подозрениях и за что именно?

В дополнение начальных ответов ваших Комитет требует чистосердечного показания в следующем:

1

Точно ли вы приняты в члены тайного общества только в апреле или мае минувшего 1825 года и кого сами приняли в сочлены свои?

2

Какие причины побудили вас вступить в общество и скрывать сие от правительства, особенно после того, что вы дали подписку не принадлежать ни к какому тайному обществу? // (л. 5 об.)

¹⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

¹⁶ Слово «употребило» вписано над строкой.

¹⁷ Последняя фраза и подпись сделаны А. С. Гангебловым собственноручно.

¹⁸ Вверху листа помета чернилами: «Читано 19 февраля».

¹⁹ Число вписано в строку другим почерком и чернилами.

3

Кого знали вы членами общества вначале и впоследствии и кто из них наиболее стремился к достижению цели общества советами, сочинениями и влиянием на других?

4

В чем заключалась настоящая цель общества, объявленная всем членам, и сокровенная, известная только некоторым?

5

На чем основаны были надежды общества в исполнении плана его, требовавшего сильных подпор, и кто из известных в государственной службе лиц подкреплял своим участием сии надежды?

6

Когда общество предполагало начать открытые действия, какими средствами думало оно преклонить на свою сторону войска и произвести революцию и что в сем случае замышляло употребить противу священных // (л. 6) особ августейшей царствующей фамилии, кто какие делал о том предложения и настаивал о исполнении оных?

7

Когда и у кого происходили совещания членов общества? У кого на оных вы бывали? Кто разделял сии совещания? Что было предметом их и кто какие подавал мнения утвердительные и отрицательные, а также в чем именно состояли ваши советы и предложения?

8

У кого видали вы экземпляры конституций, для России приготовленных? Не участвовали ли и вы в составлении оных? В каком духе они были написаны и кто составлял их?

9

Что известно вам было // (л. 6 об.) о существовании тайных обществ, ту же цель имевших, на юге и в Польше, равным образом и о их сношениях между собою и о членах первого и последнего? Наименуйте, кого вы знаете?

10

Известно ли вам, что в 1817 году капитан *Якушкин* имел покушение на жизнь покойного государя и что в минувшем 1825 году в одно и то же время решились посягнуть на жизнь его величества капитан *Якубович* и члены Южного общества? От кого, когда и что вы слышали о сем?

11

Накануне происшествия 14 декабря были ли вы у кого на совещаниях? Кто находился на оных и кто какие подавал мнения? Что было положено на сих совещаниях, кому какие сделаны поручения, что положено было употребить противу августейших особ царствующей фамилии и кто // (л. 7) вызывался для нанесения удара и завладения дворцом?

12

Кто из офицеров делал внушения солдатам не присягать на верность подданства государю императору Николаю Павловичу и что в сем случае вы с товарищами своими *Кожевниковым*, *Гангебловым*, *Лаппою* и прочими условились предпринять и что именно вы говорили солдатам по собственной воле или вследствие распоряжения членов общества?

13

При начальном показании вы сказали, что поутру 14 декабря получили записку от *Кожевникова*, в которой он ²⁰ писал, что несколько из них решились

²⁰ Слово «он» вписано над строкой.

скорее умереть, нежели присягнуть. Объясните, точно ли сие самое писал к вам Кожевников? Не писал ли он и еще чего-либо и что именно? Кому показывали вы сию записку и для чего сожгли ее, а не представили начальству? // (л. 7 об.)^у

14

Сверх сего, вы с полною откровенностию и без всякой утайки должны показать все ваши действия в духе тайного общества и все, что известно вам о составе оно-го, о средствах и намерениях, как и о лицах сего общества.

15

Наконец, чувствуете ли сколь неосторожно поступили вы, присоединясь к злоумышленному тайному обществу, и знаете ли, сколь строгой подвергаетесь ответственности за нарушение долга своего и вступление в число заговорщиков противу законной власти и общего спокойствия? // (л. 8)

№ 5 (4)

Александр Семенов сын Гангеблов; вероисповедания греко-российского; от роду 24 года и 8 месяцев; на исповеди и у святого причастия бываю ежегодно на страстной неделе, если же когда и не был, то причиною тому какой-либо недуг. Под судом не бывал; арестован был на 24 часа домашним арестом и выговор получил от государя великого князя, ныне царствующего государя императора; как то, так и другое за ошибки по фрунту. Подозреваем ни в чем не был.

1

В члены общества принят точно не прежде конца апреля или начала мая ми-нувшего 1825 года. Сам же никого не принял в оное общество.

2

Причины, побудившие меня вступить в тайное общество, были следующие: 1-е) Неограниченная власть помещиков; одно из главнейших следствий оной — бедственное состояние многочисленнейшего класса — поселян, коего очевидным свидетелем был я в минувшем 1821 году в белорусских губерниях, где помещики, дав полную волю поступкам евреев, не обращают ни малейшего внимания на нравственность крестьян, а между тем обращаются с ними жестоко, когда дело доходит до собственных выгод. Из сего я сделал заключение и о всех прочих помещиках, из коих, вероятно, большая часть думает преимущественнее о увеличении своего богатства, нежели о счастье крестьян своих. 2-е) Необразованность белого духовенства в небольших городах и селах и поступки, несообразные с высоким его предназначением, — одна из главнейших причин безнравственности поселян и, следовательно, небрежности домашнего хозяйства. 3-е) Корыстолюбие гражданских чиновников, вошед // (л. 8 об.)шее даже в пословицу.

Несмотря на сие, виню себя пред милосердым государем императором, что поступил вопреки данной мною подписке не принадлежать ни к какому тайному обществу.

3

Из членов общества знал я одного только Свистунова ²¹, корнета Кавалергардского полка, коим был принят; о подпоручике Лаппе ²¹, [лейб]-гв[ардии] Измайловского полка, узнал я в то время, когда прислано было меня арестовать.

4

В рассуждение цели общества мне объявлено было только введение Конституционного правления (монархического или республиканского, не знаю) и соедине-ние народов Славянских в одно политическое тело. Я не знал и существования *сокровенной* цели общества, упомянутой в вопросном пункте ²².

²¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

²² Начало показания и первые четыре пункта отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

Как тайна была одним из условий общества, то ничего определительного не мог узнать касательно 5-го вопроса; слышал только, что и верные особы участвуют в обществе.

Я не имел времени что-либо узнать касательно сего пункта, ибо непринужденность единственного свидания с вышеупомянутым корнетом Свистуновым²³ нарушена была приходом подпоручика Чевкина, Глав[ного] штаба е[го] и [мператорского] величества. В последующие два посещения мои я находил посторонних; после чего Свистунов уехал на Кавказ, как говорил, для излечения болезни. По возвращении его был я у него один раз, но нашел его не одного; наконец я выступил с 3-м батальоном на загородное расположение в Петергоф, где и находился безвыездно до взятия меня под арест.

О совещаниях общества ничего не знаю, у кого оные бывали, кто разделял их, что было их предметом, какие были на оных мнения — все это совершенно мне неизвестно, равно как²⁴ // (л. 9) и своих советов никому не давал.

О написанной уже Конституции узнал я в первый раз лишь вчера, 17 февраля, от посетившего меня в каземате священника. Следовательно, в составлении ее не участвовал, равно как и в каком духе написана она, не знаю. Впоследствии я с ужасом услышал об оскорблении, нанесенном священной особе митрополита (14 декабря); из чего, к душевному моему раскаянию, заключаю, что не религия была основанием Конституции, а, вероятно, право естественное, которое каждый истолковывает по произволу.

Ничего не знаю в рассуждении *многих* тайных обществ на юге и в Польше, но мне известно только, что это одно и то же общество, в тех краях распространившееся. Из членов оно, как уже сказал, кроме Свистунова, никого не знаю.

О злодейских покушениях капитана Якушкина и капитана Якубовича с членами Южного общества ничего не знал; о последнем услышал лишь вчера (17 февраля) от священника, о коем говорил в 8-м ответном пункте.

Посланная, вероятно, накануне записка от подпоручика Кожевникова²⁵ доставлена была к нам (ко мне и к Лапле²⁵, жившим на одной квартире) в Петергоф утром 14 декабря. В ней упоминалось только о присяге, а посему я и не подозревал, чтоб решительность Кожевникова²⁶ противиться оной имела какую-либо другую цель, тем более что мне наверное не было известно, принадлежал ли Кожевников к тайному обществу или нет. Удивленные новостию вторичной присяги и ничего не зная о письменных документах касательно добровольного отречения от престола государя Константина Павловича, желая соблюсти верность данной уже присяге, мы долго не знали, // (л. 9 об.) на что решиться. Наконец, рассудив, что необразованное честолюбие со времен царевны Софии не существует при высочайшем дворе, я присягнул со вверенным мне караулом и с 3-ю гренадерскою ротой, которою командовал за болезнь штабс-капитана Шванвича 2-го.

Прежде еще присяги, в пятом часу пополудни, проезжавший мимо генерал-адъютант Чичерин остановился, подошел к караулу моему и, поздравив солдат с восшествием на престол государя Николая Павловича, прибавил: «Я надеюсь, ре-

²³ Фамилия подчеркнута карандашом.

²⁴ Три строки от слов: «О совещаниях общества...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

²⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

²⁶ Фамилия подчеркнута карандашом.

бятя, что у вас все будет без шума... как можно тише... чего от вас всегда и ожидаю...» (это повторено было несколько раз). Люди, ничего не знавшие о происшествиях в Петербурге, казалось, удивлены были подобными увещеваниями; сего я не должен был упускать из виду; но, начиная подозревать что-либо важное, я почел за лучшее молчать. После присяги штабс-капитан Норов 4-й ²⁷, узнав о бунте в столице от приехавшего оттуда лекаря (служащего при Петергофской фабрике), поспешил в предостережение лично и тайно меня уведомить.

Наконец в полночь батальонный командир полковник Щербинский ²⁸ пришел к караулу и объявил о немедленном выступлении с боевыми патронами; люди сильно были встревожены такою неожиданною новостью, даже робко спрашивали у меня: «Зачем идем, ваше благородие, неужели по своим стрелять будем?» Не желая открыть им всего, я отвечал сими словами: «Ребята, верно по своим стрелять не будем, а в кого велют стрелять, то само собою разумеется, что те из своих захотели сделаться чужими».

В свое оправдание в сем случае осмелюсь донести, что на привале в Стрелине я советовал господину батальонному // (л. 10) командиру объявить людям о насильственной смерти графа Милорадовича, дабы тем более вооружить их против убийц любимого генерала. Вот все, что имею сказать против 11-го пункта ²⁹.

12

Я не заметил, чтобы прочие господа офицеры 3-го батальона что-либо говорили с солдатами как на месте, так на переходе и привалах, кроме полковника Щербинского ³⁰, который весьма искусно в присутствии людей все умел показать в ничтожном виде. С Кожевниковым ³⁰ я не мог предпринимать никаких условий ³¹, ибо он находился в Петербурге, а я в Петергофе; других же Гангебловых не знаю, кроме двух моих братьев, служащих в армейских кавалерийских полках и весьма, как кажется, далеких от всяких политических мнений. (Разговор мой с солдатами см. в 11-м пункте.)

13

При первоначальном моем показании чрез посредство господина на генерал-адъютанта Левашова я не сказал, что полученная мною записка *именно* выражалась теми словами, какие выставлены в 13-м пункте запросов, но смысл она имела точно такой; настоящих слов не упомяну, ибо пораженный необыкновенною новостью я поспешил к подпоручику Лаппе, сменявшемуся в то утро с караула. Более в записке ни о чем не упоминалось, и кроме меня ³² и Лаппы ³³ никто не читал ее. Сожжена мною и сохранена в тайне по той причине, что как время сопротивления в столице назначено было с присягою, т. е. в 10 часов пополудни, то известить о том государя императора было уже поздно; сверх того, зная, что в батальоне все тихо, я не хотел прежде ³⁴ времени встревожить его, в намерении отворотить различные толки. Неистовства бунта, тайно мне рассказанные // (л. 10 об.) штабс-капитаном Норовым 4-м ³⁵ (см. 11-й пункт), до того заняли меня бездною мыслей, что записка пришла мне на память не прежде, как подходя к Стрелине. Тут я с сожалением вспомнил о необдуманном поступке Кожевникова, коему, вероятно, не дали измерять холодным умом ту пропасть, в которую готов был он повергнуться; к тому же, заключая по записке, что он сам открыл себя, вмешавшись в число мятежников, я не почел за необходимость вторично обнаружить вину его, тем более что уведомление его не имело никаких последствий.

²⁷ Слова «штабс-капитан Норов 4-й» подчеркнуты карандашом.

²⁸ Фамилия подчеркнута карандашом.

²⁹ 11 пункт отчеркнут на полях карандашом.

³⁰ Фамилия подчеркнута карандашом.

³¹ Так в тексте.

³² Слово «меня» подчеркнута карандашом.

³³ Фамилия подчеркнута карандашом.

³⁴ Целые строки от слов «по той причине...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

Часть сего пункта объяснена мною в пунктах предыдущих. Действия же мои в духе тайного общества неважны: я изведывал образ мыслей знакомых мне молодых людей, старался отвлечь их от бесплодной рассеянной жизни и внушать им вкус к занятиям: историей, нравственной философией, отечественным языком и обязанностями службы, в чем всегда старался быть примером. Тяжкая двухмесячная болезнь, сократив еще более время моего соучастничества, не допустила меня на дальнейшие исследования. Кожевников, Фок и Лаппа³⁶ были бы приняты мною, если бы добрые качества их, а особливо верный ум последнего, не были отравлены излишнею пылкостью и самонадеянностью. В одном Ростовцеве 4-м³⁷ /адъютанте генерал-адъютанта/ Бистрома/ нашел я редкие способности, но поздно — выступление в Петергоф помешало мне принять его в члены общества. // (л. 11)

Сердце мое открыто пред великодушным монархом. В полной мере чувствую, что преступление мое никакими заслугами, никаким раскаянием изглажено быть не может. Осмелюсь еще повторить, что я никак не предполагал в обществе таких губительных мер, каковые думало употребить оно к достижению своей цели. Сострадание к человечеству завлекло меня слишком далеко³⁸ — исповедую вину свою и предаю себя милосердию государя императора.

Лейб-гвардии Измайловского полка
поручик Гангеблов³⁹ // (л. 12)

№ 6 (5)⁴⁰

1826 года апреля 28 дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета лейб-гвардии Измайловского полка поручик Гангеблов спрашиван и показал.

Корнет Свистунов утвердительно показывает, что вы знали от него и разделяли с прочими членами преступные намерения Южного общества о введении в государство республиканского правления с истреблением всех священных особ августейшей императорской фамилии.

Противу сего Комитет требует откровенного и положительного показания вашего: точно ли знали вы и разделяли означенное намерение Южного общества и кому именно из членов // (л. 12 об.) вы сообщили о сем и кто с оным также был согласен?

Я весьма уверен, что одна откровенность может обратить милосердное снисхождение все милосивейшего монарха, и по сей самой причине говорю утвердительно, что до того времени, как представлен был пред его императорское величество, я наверное не знал еще, какого именно рода Конституционное правление предполагалось было обществом и какие меры для сего оно избирает⁴¹ (А) *

³⁶ Три фамилии подчеркнуты карандашом.

³⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

³⁸ Три строки от слов «обществе таких...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³⁹ Ответы написаны А. С. Гангебловым собственноручно.

⁴⁰ Вверху листа помета чернилами: «2 мая 1826».

⁴¹ Этот абзац на полях отчеркнут автором чернилами и отмечен цифрой «1».

* (А) «Впрочем, в сем случае Свистунов, может быть, и прав: в разговоре нашем я большею частью говорил по-русски, а он изъяснялся с чрезвычайною беглостью и возвышенным слогом на французском языке, так что я, далекий от посредственного даже знания сего последнего, многое и весьма многое не понимал, но совестясь обнаружить свою непонятливость пред шеголем-кавалергардом (который бы вмнил в порок несовершенное знание французского языка), я показывал согласие в надежде на многократные будущие свидания; и, простясь с Свистуновым, я знал только о том, что принадлежу к тайному обществу, коего цель: введение конституционного правления и соединение народов Славянского племени в одно целое, равно как и то, что общество распространялось на юге и в Польше» (прим. док.). Пять строк от слов «простясь с Свистуновым...» подчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB». Это примечание отчеркнуто автором на полях чернилами и отмечено цифрой «3».

После того: бунт, открытое общество, мой арест как члена оногo напомнили мне сомнительные слова Свистунова: *Etats unis de l'Amérique Septentrionale* и *Qu'est ce que notre vie* ⁴². Из коих я ясно увидел, что общество не только одною связью (как я полагал прежде), но и самим духом походило на секту карбонаров ⁴³.

Свистунов, говоря о скорой поездке своей на Кавказ, спрашивал меня, не желаю ли познакомиться с кем-либо из членов его линии, но я отказался. Из офицеров, мною у него виденных, я не знал никого как члена общества, но подозревал их всех по одному знакомству с Свистуновым (В) *. Не из того ли корнет Свистунов заключает // (л. 13) о моих связях с соумышленниками, что однажды, провожая меня и спрося, не принял ли я кого из офицеров Измайловского полка, получил в ответ: «*Этого не должен я* ⁴⁴ *говорить тебе ни в каком случае, основываясь на условии общества, и уверен, что ты не только не оскорбишься, но и доволен будешь моею скрытностью*». Не знаю, можно ли по догадкам говорить утвердительно!? ⁴⁵

Касательно же знакомства моего с членами Южного общества говорю с смертельною решительностью ⁴⁶, что никого из них как члена не знали ни с кем из соумышленников, кроме корнета Свистунова, знаком не был. Слыша от него о Южной ветви общества, я сказал ему только мою догадку, что, вероятно, средоточие сей ветви есть кавалерийские южные поселения, в чем основывался единственно на слухах о неудовольствии вообще военных поселений. Равномерно говорил ему, что знал многих офицеров того края, бывши в отпуску в новороссийских губерниях, в конце 1823-го и в начале 1824 годов (С) *.

Но как членов ни одного не знал, не подозревая даже о существовании тайного общества ⁴⁷ и находясь во время отпуска неразлучно с отцом моим, коего непоколебимая преданность монарху обезоруживала малейшие мои политические мысли. Мог ли знать их таковыми в начале 1824 года, бывши сам принят во второй трети // (л. 13 об.) 1825 года? И чем мог я быть полезен заговорщикам, удаленный как от них, так и от покойного государя императора на 2000 верст? (Если только Свистунов упоминает о заговоре, долженствовавшем исполниться 15-го дня будущего мая, как слышал я от священника) ⁴⁸. Смею беспокоить Комитет высочайше утвержденный нижайшею моею просьбою: войти в строгое исследование сего пункта и тем обнаружить мою невинность и дерзкую, непонятную для меня клевету корнета Свистунова ⁴⁹.

⁴² Северо-Американские Штаты и что наша жизнь? (франц.).

⁴³ Этот абзац на полях отчеркнут автором чернилами и отмечен цифрой «2».

* (В) «У него видел: подпоручика Чевкина (Гл[авно]го шта[ба] е[го] и[м]ператорского] в[еличества]), Кашкарова (бывшего в л[ейб]-гв[ардии] Преображ[енском] полку), Горожанского и Фрезера (кавалергардов), Росто // (л. 13) вцова (адъютанта ген[ерала] Вистрома) и еще двух, коих имен не знаю, кавалергардского и конно-артиллерийского офицеров» (прим. док.). (Это примечание отчеркнуто автором на полях чернилами и отмечено цифрой «6».)

⁴⁴ Далее зачеркнуто слово «был».

⁴⁵ Весь абзац отчеркнут на полях автором чернилами и отмечен цифрой «4».

⁴⁶ Слова «смертельною решительностию» подчеркнуты карандашом.

* (С) «Офицеров знал (чинов не упомню): Стародубовского кирасирского полка: Марнеца, Дрейлинга, Селиванова, Штерна, Билевича; Кирасирского святого ордена: Панютина, Бородоевского, Орлова; из поселенных уланов: Трегубова, коего знал и прежде; из конных артиллеристов: Вржозека и Гана (Петра), с коим знаком был в Пажеском корпусе. Их было весьма много, но частью не помню, а частью не знаю фамилий. Всех их видел в разное время у следующих моих родных и родственников: Екатеринославск[ой] губ[ернии] Верходнепровского уезда: у моего отца, у помещика Золотницкого (Ивана); Херсонской губернии у помещицы Текеллиевой (урожденной Чорбы), у помещика Калачевского (Федора, умершего впоследствии), у помещицы Золотницкой (урожденной Чорбы), у помещицы // (л. 13 об.) генерал-майорши Кашириновой (урожденной Чорбы, впоследствии умершей). Сверх сего, еще виделся с двумя родными братьями, служившими в то время в Дерптском конноегерском полку и двоюродным братом поручиком Калачевским (С.-Петербургского драгунского полку). Переписку же имел постоянную: с штабс-ротмистром Александрийского гусарского полка Гангбловым, с подпоручиком Дерптского конноегерского полка Гангбловым, с вышеупомянутым поручиком Калачевским; временную: с (чина не помню) Бородоевским, Кирасирского святого ордена полку» (прим. док.). (Добавление «С» отчеркнуто автором на полях чернилами и помечено цифрой «6».)

⁴⁷ Слова «не подозревая даже... общества» подчеркнуты карандашом.

⁴⁸ Слова «(Если только... от священника)» подчеркнуты карандашом.

⁴⁹ Абзац от слов «Касательно же знакомства...» отчеркнут автором на полях чернилами и обозначен цифрой «5».

Слыша о милостях, кои его императорское величество оказывать изволят преступникам, заблаговременно явившимся, я полагаю причиною моего несчастья — удаление от столицы. В Петергофе знал я только, что бунт произведен заговором⁵⁰ и что многие арестованы, но и не воображал, чтобы общество произвело бунт. Причиною моего ареста и добровольное явление подпоручика Лаппы счел записку, полученную обоими нами от подпоручика Кожевникова, и не более как минут за десять до представления к его императорскому величеству я стал подозревать только о истине бунта из разговоров генерал-адъютанта Потапова с подпоручиком Лаппою. Не для того говорю, чтобы оправдать преступное и ничем не извинительное словесное мое заpiresательство, но желаю изложить причины, невольно побудившие меня к оному. И если бы обстоятельства мне благоприятствовали, то я не только первый поверг бы раскаяние мое к стопам монарха, но почел бы себя счастливейшим, если бы мог открыть общество, которое пренебрегало и современным духом народа и младенчеством просвещения — словом, покушалось на величай // (л. 14) шее⁵¹ злодейство, внушенное слепым фанатизмом вольности⁵². Но все это не может подтверждено быть никакими существенными доказательствами, и я даже лишен единственного, на которое мог надеяться — будущей моей службы, верной и неукоризненной.

Лейб-гвардии Измайловского полка поручик Гангеблов⁵³

1) Гнусная ложь! Я знал, но не от Свистунова, а от Лаппы, которому открылся (а)* недели за две до выступления в лагерь, но не был с ним совершенно откровенен; сказал ему, что более полугодом как участвую в обществе, тогда как действительно принят Свистуновым в апреле или мае (1825). От Лаппы узнал, что он принят доктором философии Джилли, итальянцем, в 1819 году⁵⁴; узнал еще, что он открылся Назимову, поручику коннопионерного дивизиона, Кожевникову, подпоручику Измайловского полка; что Назимов знает как членов: Моллера, полковника Финляндского полка, Семенова, бывшего в лейб-гвардии Егерском. Но, кроме Лаппы и Свистунова, никто не знал меня как члена; впрочем, быть может, Лаппа Назимову и сказал обо мне за тайну. О мерах же знал и от Свистунова⁵⁵.

О времени развержения общества не знал я ничего, и не мог вообразить, чтобы в России поспешило оно своими действиями; в чем я противоречил и Лаппе, утверждавшему, что прежде десятилетнего срока общество обнаружится.

Вступил в общество совершенно по неосторожности. 2) Со Свистуновым имел одно свидание полное, но кратковременное в надежде на будущее. Второе свидание нарушено было явлением Чевкина и в сих двух свиданиях узнал. 3) Действительно, не более, по причине, объявленной в примечании А. О мерах понял. 4) Истина. 5) Сушая правда, кроме того, что знал еще и Лаппу. 6) Все это справедливо. 7) Рассказы Свистунова и Лаппы о многочисленности общества и существовании его на юге и в Польше счел приманкою. Потом размыслил, что общество наше не что иное есть, как фанатизм — // (л. 14 об.) исчадие знойных страстей обитателей Италии. Но, полагая, что общество, существующее с 1814 года (как слышал от Свистунова⁵⁶), не могло бы где и как-нибудь не обнаружиться, я почел такие рассказы пустыми, и, полагая решительное⁵⁷ введение Конституционного правления весьма ранним, а Республиканского до крайности безумным, я ограничился лишь теми действиями, кои изложил в первых ответных пунктах, и сам никого не принял.

Вообще я действовал с таким легкомыслием, которого без презрения не могу вспомнить. Например, я иногда говаривал Лаппе, что служу для того в военной

⁵⁰ Слова «В Петергофе... заговором» подчеркнуты карандашом.

⁵¹ Весь абзац отчеркнут на полях чернилами автором и помечен цифрой «7».

⁵² Слова «покушалось... фанатизмом вольности» подчеркнуты карандашом.

⁵³ Ответы написаны А. С. Гангебловым собственноручно.

* (а) «Совесть меня мучила в то время; я провел ночь с неописанным внутренним мучением — и на другой день заболел горячкою. С тех пор я был в бездействии» (прим. док.).

⁵⁴ Слова «От Лаппы... в 1819 году» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

⁵⁵ Слова «О мерах... Свистунова» подчеркнуты карандашом.

⁵⁶ Слова «с 1814 года... Свистунова» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

⁵⁷ Слово «решительное» вписано над строкой.

службе, чтобы со временем, командуя чем-нибудь большим, бунтовать (п) *; но вступление⁵⁸ мое в военную службу есть покорность отцу, которого люблю и уважаю более всего на свете, а цель — следующая, в истине которой клянусь: ограниченное мое состояние не дозволяет мне пользоваться излишком, итак, дослужась до звания полкового командира, где излишком все, как известно, пользуются, употребить оный излишек на изучение тех предметов, без коих в гражданской службе обойтись нельзя; определиться к такому месту, где корыстолюбие более владевает, и, вооружась всеми силами, истреблять лихоимство. А цель моей жизни, в случае неудачи предыдущего, удалиться в деревню и совершенно посвятить себя счастью моих крестьян, душ 50 или 60, кои надеялся получить в наследство.

За несколько дней до бунта Лаппа⁵⁹ из Петергофа тайно⁶⁰ ездил в Петербург и привез вести, что умы в сильном волнении от разнесшихся слухов и что Кожевников обещал известить решительно запискою⁶¹; никогда так мало не думая о переменах в правлении, как в то время, я действительно приписал сомнительное положение столицы слухам и, поверя им, сам первоначально положил твердо сохранить верность присяге государю Константину Павловичу — вот причина, по коей⁶² // (л. 15) не открыл я записки, полученной от Кожевникова.

Прежде еще моего вступления в тайное общество слышал я от Лаппы⁶³ о намерении какого-то офицера (имени он не сказал мне) в 1823 или 1822, не помню, покуситься на жизнь покойного государя императора во время лагерного расположения, но что офицер⁶⁴ сей удержан был своими товарищами.

Быв выпущен из Пажеского корпуса, я не знал других законов, кроме взгляда и слов начальника. Первый, внушивший мне смелость судить о правлении, был капитан *Бутовский* (впоследствии умерший), у коего был я в роте и который в Белоруссии, на месте, показал мне невыгоды неограниченной власти помещиков.

Не желать свободы не в природе человека, но я всегда предпочитал медленные и постепенные меры решительным переворотам политическим, кои не обходятся без величайших пожертвований; и до сего времени уверенный в неопровержимой сей истине, я, к стыду моего возраста, повторяю, что соучастничество мое было сушью легкомысленность (к) *.

Первоначально я полагал мой арест действительно следствием записки, полученной мною от Кожевникова, равно как и добровольную поездку Лаппы; разговор сего последнего с генерал-адъютантом Потаповым напомнил мне о тайном обществе и родил мысль, что соучастничество мое только предполагается по сношению с Кожевниковым. Душевно соболезнуя о почтенном отце моем и с искренним раскаянием вспоминая о своем легкомыслии — с другой стороны, опасаясь жестокости испытаний и полагаясь еще на слово Свистунова, я старался как-нибудь ускользнуть, внутренно клянясь действовать впредь сообразно моему образу мыслей. Потом неразлучная мысль о несчастьи моего отца, вовлекая меня в новые и новые затруднения, довела наконец до крайности.

Кончив на сей вопросный пункт мои ответы, исполненные адского бесстыдства, я не мог перенести угрызений совести и решился излить всю истину. // (л. 15 об.)

Но не донос Свистунова заставил меня быть откровенным; он прав, что говорил мне о мерах общества, но что я не имел сношений с членами Южного общества, что ни с кем не соумышлял на жизнь государя императора и что ни с⁶⁵ кем⁶⁶, кроме

* (п) «Также, наприм[ер]. В день присяги Лаппа говорил мне, что склонял унтер-офицера 8-й роты к бунту; я тоже его уверял, что призывал караульного моего унтер-офицера *Морозова*, который будто притворился непонимающим, но этого ничего не было» (прим. док.).

⁵⁸ Четыре строки от слов «Вообще я...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁵⁹ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁶⁰ Слово «тайно» вписано над строкой.

⁶¹ Четыре строки от слов «За несколько дней до бунта...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

⁶² Три строки от слов «сомнительное положение...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁶⁴ Три строки от слов «Лаппы о намерении какого-то офицера...» отчеркнуты на полях карандашом.

* (к) «Государь император недаром мне сказать изволил, что я поступил не как взрослый человек, а как мальчик!» (прим. док.).

⁶⁵ Предлог «с» вписан над строкой.

⁶⁶ Слово «кем» исправлено из «кого».

его, Свистунова, и Лаппы, не имел сношений в духе общества, все это утверждаю с такою же решительностью, как и прежде. Одно снисходительное обхождение могло пробудить мою совесть.

Виновник новомодного, так сказать, моего либеральства есть Лаппа⁶⁷, равно как и несчастья Кожевникова и Фока (принят ли был Фок, не знаю) (а)*. Я всегда знал Лаппу (не зная, впрочем, о либеральных его мыслях) как человека умного, до крайности доброго, благороднейшего и строгой нравственности — все, даже равенство состояний, все меня влекло к нему. Последние полтора года я жил с ним на одной квартире и говорю решительно, что если бы не был знаком с ним, не старался бы выказывать либеральство, не попал бы в общество и не доведен бы был до такой крайности (b)*.

В Петергофе я действительно не знал до самого разговора его превосходительства генерал-адъютанта Потапова с Лаппою, что бунт произведен обществом. Лаппа, привезший мне вести из столицы, говорил⁶⁸ отрывисто, казалось, не доверяя мне, не упоминал ни слова об обществе и дал только понятие о близком взрыве⁶⁹, но не общества, а вообще умов. Из тону рассказа его я никак не мог заключить⁷⁰, чтобы слухи, разнесшиеся в С.-Петербурге, были нарочито распущены, и он говорил мне о них со всею степенностью правды. Лаппа скрывал от меня давнее свое намерение предстать пред государя императора. Когда полковник Щербинский (батальонный командир) // (л. 16) явился с фельдъегерем в нашей квартире, чтобы арестовать меня, я из отрывистых слов Лаппы ничего совершенно понять не мог; он говорил: «Позвольте и мне ехать к государю императору... я также виноват... Кожевников и Фок взяты... — может быть, я причиною... смерть Богдановича... все это меня трогает!» Никогда так мало не думая, как в то время об обществе, я действительно счел причиною моего ареста и добровольной поездки Лаппы записку, которая могла быть открыта взятым под арест Кожевниковым (с)*.

Вообще причины, побудившие меня невольно к дерзкому заперательству в моих ответах, были следующие: 1) мысль об огорчении дряхлого моего отца, который, как тень, меня преследовал; 2) маловажность и почти бездействие мое в духе общества; 3) не надеялся и не смел ожидать снисхождения даже⁷¹ за одно мое участие; 4) чувствовал, что не рожден быть злодеем, что могу жестоким уроком исправиться от легкомыслия, и, надеясь быть еще чем-нибудь полезным в продолжение моей жизни, не хотел пропасть преждевременно.

Лейб-гвардии Измайловского полка поручик Гангеблов⁷²

NB. Нижайше извиняюсь в моем многословии, но я желал в полноте показать, что знал, что⁷³ обдумал во все продолжение моего ареста и что чувствую теперь.

Равномерно всепокорнейше прошу одолжить мне первые ответные мои пункты, где, если найду что исправить, перемену. Прошу покорнейше извинить неопрятность письма. // (л. 17).

⁶⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

* (а) «Назимов, Кожевников и Лаппа знали друг друга, но не приняли меня по той причине, что полагали меня слишком пылким по любви моей к изящным художествам. Это узнал я от Лаппы тогда, как открылся ему» (прим. док.).

* (b) «Лаппа, может быть, помнит, как рассказывал я ему план моей жизни, бывши в лагере в 1823-м. Тогда я был с ним знаком, но не был приятелем; я говорил ему следующее: исполнить долг гражданина и верноподданного; в случае несчастья по службе жить в деревне и исполнять обязанности человека в частности» (прим. док.).

⁶⁸ Далее зачеркнуто: «мне».

⁶⁹ Слова «понятие о близком взрыве» подчеркнуты карандашом.

⁷⁰ Пять строк от слов «генерал-адъютанта Потапова...» отчеркнуты на полях карандашом.

* (с) «Дорогою с Лаппой о деле не говорил я ни слова, о чем свидетель фельдъегерь, нас везший» (прим. док.).

⁷¹ Слово «даже» вписано над строкой.

⁷² Дополнение к ответам написано А. С. Гангебловым собственноручно.

⁷³ Слово «что» вписано над строкой.

Прибавление к ответу лейб-гвардии Измайловского полка поручика Гангеблова. Не могу не начать с того, что я действительно с капитаном Бутовским начал слабым и кончил сильным либеральством. Почти единственное кратковременное знакомство мое с поручиками (ныне капитанами) Семеновыми ⁷⁴ не могло исправить меня. Наконец знакомство и ⁷⁵ неприметная постепенность оного с Лаппою приковали меня к нему, и стыжусь, но говорю истину, выказывая фанатизм вольности, я был рабом Лаппы. В одиноком заключении я совершенно вошел в себя и оглянул прошедшие мои поступки.

Комитет, высочайше утвержденный, да благоволит забыть прежние мои ответы, кроме прибавления к последнему, и да извинит меня в том, что беспокоил неполными и несправедливыми показаниями.

Теперь начну цепь происшествий со времени получения записки от подпоручика Кожевникова:

Занятый слухами, привезенными мне из столицы Лаппою ⁷⁶, и получив записку, я, решившись твердо сохранить верность присяге, сжег ее и поспешил к Лаппе, бывшему в карауле. Там мы дали друг другу слово — не присягать ⁷⁷. Возвратясь домой, велел я моему слуге собраться в Петербург (но слуга отправился не прежде 11-ти часов) ⁷⁸, где между прочими делами (1) * мы приказали, Лаппа и я, отыскать // (л. 17 об.) и увидеть Кожевникова. Вступив уже в караул, я начал подозревать, что подобные слухи действительно не могут быть справедливы, но появление Лаппы, который, идучи к присяге, зашел и ко мне, опять меня переуверило; когда же он ушел с намерением не присягнуть, я начал несколько раскаиваться, что не объявил ему о моем умозаключении и пожелал, чтобы он не сдержал своего слова. Лаппа возвратился и объявил, что присягнул, оробея от многочисленности незнакомых ему драгунских офицеров. Я, следуя его либеральности, показал вид неудовольствия, но внутренно был доволен, и ввечеру присягнул с караулом и с 3-ю гренадерскою ротою, которою командовал я ⁷⁹ за болезнью штабс-капитана Шванвича 2-го. После сего я утвердился в моем положении и не только не думал склонять к бунту солдат, но, когда сменили нас, чтоб приготовиться к выступлению, то, доведя их до казармы и распуская, уговаривал оставить лишние толки и любопытство.

Пред самым выступлением возвратился мой слуга, оставивший Петербург накануне, в 11 часов вечера. Он сказал нам от Кожевникова, чтобы мы ничего не затевали и что все сдались уже; но, расспрашивая слугу, узнали, что он видел солдат в беспорядке на площади и что войска остались ночью на бивуаке. Это возродило во мне некоторое подозрение, усиленное вестями нами встречаемых и продолжением нашего марша. Не менее того, в Стрелине, утвержденный в своем заклю-

⁷⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁷⁵ Далее зачеркнуто: «наконец».

⁷⁶ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁷⁷ Слова «друг другу слово — не присягать» подчеркнуты карандашом.

⁷⁸ Пять строк от слов «Занятый слухами...» отчеркнуты на полях карандашом.

* (1) «Прочие дела сии были следующие: как я не знал, что со мною будет, и мог ожидать даже смерти, то подумал о моих долгах и об участи моего слуги, крепостного человека. Посылая его, велел ему взять свой паспорт, хранившийся в пухе писем, лежавших в бюро, которое по тяжести не перевез с собою в Петергоф, но оставил на квартире поручика графа Ламздорфа. Паспорт велел вынуть, а письма сжечь, ибо не хотел, чтобы семейные дела мои были известны кому-либо из посторонних. Кроме писем от родственников, там было письма четыре или пять от офицера Кирасирского святого ордена полка Бородеевского, с коим познакомился во время моего отпуска. Причину вре // (л. 17 об.) менной моей с ним переписки было истребование денег с одного из неплативших ему должников его и о получении оных денег. С моей стороны было писем не более как и с его, и последнее, со вложением последней части долга, ста рублей, отправлено, помнится, в сентябре прошлого, 1825-го. Все они адресованы в гор. Крылов Херсонской губернии.

Сверх того, писал с слугою моим записку к полковому казначею, исполняющему должность полкового адъютанта, подпоручику Кобякову 2-му, в которой выражался таким, сколько могу упомнить, образом: «Если получите в канцелярии повестку денег на мое имя, то прошу покорнейше не пересылать их ко мне в Петергоф, расплатить такому-то и такому-то...» При записке также приложил и доверенность на получение оных денег с почты на простом доскуте бумаги по неимению форменной. Я думаю, у Кобякова сохранены как записка, так и доверенность» (прим. док.).

⁷⁹ Слова «котою командовал я» вписаны над строкой.

// (л. 18)чении, я советовал полковнику Щербинскому объявить солдатам о смерти графа Милорадовича и тем более вооружить их против убийц любимого генерала⁸⁰.

Я думал, что из Стрельны нас воротят, но мы пошли вперед, и чем шли дальше, тем более и более дела столицы являлись мне в сомнительном положении. Наконец рассказ корнета Скалона⁸¹ уверил меня, что бунт господствует со всею свирепостью⁸².

Когда приближались мы к Красному кабаку, полковник Щербинский, остановив на дороге батальон не в дальнем расстоянии от л[ейб]-гв[ардии] Уланского полка, за коим виднелись лейб-драгуны, поспешил с рапортом в трактир к генерал-адъютанту Чичерину. Люди стояли вольно в отделениях; я из первого отделения вышел вперед, подстрекаемый любопытством, и расспрашивал о новостях отдельно стоявшего уланского офицера (кажется, Строева, я не знал его); ко мне присоединились еще штабс-капитан Норов 4-й, поручик Болтин и прапорщик Скалон (кажется, так). Лаппы же не было, но Строев, как казалось, не хотел ничего сказать нам. Вдруг является корнет Уланского полка Скалон, как бы в беспамятстве, и начинает рассказывать о ужасах бунта; между прочим, говорил, что митрополит вышел со крестом увещевать взбунтовавшихся измайловцев, но что гренадеры первого батальона, вырвав у него крест, били им преосвященного и что они, лейб-улань, ожидают только первого сигнала от нашего батальона, чтобы единодушно закричать⁸³: «Ура Константин!» Все это рассказываемо было с исступлением. Но я, уверенный в своей истине, отошел к моему отделению, коему возвратившийся полковник Щербинский, как первому, поспешил скомандовать: «Левое плечо в обратный путь». (Вероятно, для того поспешил, чтобы развести измайловцев с уланами.)

Пришедши уже в Петергоф, Лаппа и Норов рассказывали мне, что он, Лаппа (после того, как я повел отделение мое), подошел к корнету Скалону, где (к счастью!) остался и Норов, ожидая отделения своей роты, и что Лаппа⁸⁴ до того воспламенился рассказом Скалона⁸⁴, что, как говорил мне сам, уже открыл рот в намерении закричать: «Ура Константин!», но Норов смело в том⁸⁵ // (л. 18 об.) ему воспрепятствовал. По образу мыслей Норова поступок не значащий, но по тогдашним обстоятельствам — услуга важная!

Лишь под арестом в Кронштадте, припомнив некоторые слова Лаппы, я заключил, что он знал о заговоре, например, рассказывая мне неясно и отрывисто о волнении умов в С.-Петербурге, он сказал: «Там есть молодцы!» Но в то время я не понял, ибо мыслями совершенно был далек от общества. И накануне даже ареста нашего, ввечеру, когда был у нас Норов, то среди толков наших о современных делах, о самоубийстве капитана Богдановича и аресте четырех офицеров наших Лаппа с приметным беспокойством сказал: «Что если и нас возьмут?» Но я равнодушно уверял его, что это вздор и что быть этого не может, ибо у нас все было тихо. Норов, может быть, помнит о сем.

Вообще я видел, что с тех пор, как объявил нам батальонный командир об аресте наших офицеров, Лаппа внутренне мучился и на мои вопросы отвечал, что сожалеет о них и о Богдановиче, но не говорил мне ни слова о намерении своем ехать с раскаянием к государю императору.

Причина, по коей я не открыл заблаговременно о Лаппе, была следующая: хотел уменьшить вину свою таким образом, чтобы высочайший Комитет не потерял, впрочем, ничего в своих исследованиях, ибо как Лаппа добровольно явился к его императорскому величеству, то я полагал его раскаяние столь искренним, что он ничего не утаит, кроме знакомства в духе общества со мною, от которого он ничего более узнать и не мог.

Теперь я догадываюсь, на чем корнет Свистунов основывает свои утвердитель-

⁸⁰ Три строки от слов «я советовал...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁸¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁸² Две строки от слов «в сомнительном положении...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁸³ Шесть строк от слов «Уланского полка Скалон...» отчеркнуты на полях карандашом и помечены на полях знаком «NB».

⁸⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁸⁵ Четыре строки от слов «корнету Скалону...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

ные показания о соумышлении моем с членами Южного общества. В первое наше свидание, слушая его рассказ, я понял, что тут есть заговор, и спросил у него, не из членов ли был офицер, покушавшийся на жизнь государя императора *в прошлых годах*, что слышал от Лаппы еще прежде ⁸⁶ вступл. (л. 19) пления моего в тайное общество. Значит ли это участие в заговоре общества, о существовании коего и не подозревал я еще тогда? И что Свистунова донос ложен — подтверждаю ⁸⁷.

Лейб-гвардии Измайловского полка
поручик Гангеблов ⁸⁸//(л. 20)

№ 8 (7)

Прибавление к ответам лейб-гвардии Измайловского полка поручика Гангеблова.

Подпоручик Лаппа требует напоминовения каких-либо обстоятельств в подтверждение моего показания: по давности времени утвердительно говорить не могу, но, сколько помню, обстоятельства были следующие: это было поздним вечером при свечах, мы за одним столом каждый особенно что-то читали и наконец, когда подали чай — мы книги в сторону и начали разговаривать; я, между прочим, говорил, что в России никак не должно в скором времени ожидать важного политического переворота. Лаппа противоречил и сказал: «Да уж один молодец нашелся... который хотел его... в лагере (1) *... ну, да не допустили ... слишком еще рано» (2) * Я отвечал, что, вероятно, это какой-нибудь сумасшедший и один, но что общего, конечно, ничего не было (3) *. Слово за слово, мы спорили и наконец ударились об заклад: Лаппа утверждал, что прежде десятилетнего срока будет общее развержение умов, а я говорил отрицательно.

Донос Свистунова назвал я *ложным* по следующим причинам: Свистунов ничего не мог знать о моем знакомстве в духе общества с Лаппою, а особливо о небывалых моих сношениях с южными членами, ибо по возвращении Свистунова с Кавказа я не имел с ним непринужденных свиданий.

Как только услышал я от Свистунова о существовании общества, тотчас заключил, что Лаппа и Назимов члены оногo, (4) * и когда Свистунов уехал на Кавказ, то я, как много не знавший, утвердительно открылся Лаппе единственно в намерении узнать // (л. 20 об.) вполне, в каком обществе нахожусь я. Ростовцова же хотел принять не для того, чтобы увеличить общество, но зная его ум и сердце, желая увидеть, поверит ли он многочисленности общества и существованию оногo на юге и в Польше — и если поверит, то посоветоваться с ним, как поступить в таком случае.

Л[ейб]-гв[ардии] Измайловского полка
поручик Гангеблов ⁸⁹ // (л. 28)

№ 9 (13)

№ 665 Г[осподину] С.-Петербургскому военному генерал-губернатору
30 апреля 1826.

Содержащийся в здешней крепости по делу о злоумышленном обществе лейб-гвардии Измайловского полка поручик Гангеблов прислал в Комитет показание, в котором изъясняет, что в 1819 или 1820 году в бытность его в Пажеском корпусе составилось там между некоторыми пажами тайное общество, коего члены не обращали на себя особенного внимания и были

⁸⁶ Против строки «в прошлых годах...» проставлен знак «NB».

⁸⁷ Слова «донос ложен — подтверждаю» подчеркнуты карандашом.

⁸⁸ Дополнение к ответам написано А. С. Гангебловым собственноручно.

* (1) «Не помню, в 1822 или 23, или 24 году. В подобных разговорах Лаппа всегда говорил мне с недоверчивостию — отрывисто и неясно» (прим. док.).

* (2) «В лагере, кто же мог покушаться, как не офицер, и кто удержал бы его, как не его товарищи?» (Прим. док.).

* (3) «Я не знал еще об обществе» (прим. док.).

* (4) «Заключил по следующим причинам: по частым тайным свиданиям // (л. 20 об.) Назимова с Лаппой и по словам, кои сей последний сказал мне однажды: „Да ведь Назимов при тебе того не будет говорить, что говорил бы без тебя“» (прим. док.).

⁸⁹ Дополнение к ответам написано А. С. Гангебловым собственноручно.

предметом шуток своих товарищей, но когда случилось в корпусе происшествие, известное под именем *арсеньевского бунта*, то главными участниками оного были члены сего тайного общества, как то: Криницын 2-й, Гамен и Карцов 1-й.

На основании состоявшегося по сему случаю известного вашему превосходительству положения Комитета о злоумышленном обществе я имею честь препроводить⁹⁰ к вам, милостивый государь, с сего показания Гангеблова копию⁹¹. // (л. 21)

№ 10 (8)

1826 года мая 14⁹² дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка корнету Свистунову с поручиком Гангебловым в том, что первый показывает, что с генваря по июнь 1825 года открыл он *последнему* у себя на квартире преступную цель Южного общества, состоящую во введении в России республиканского правления. Поручик же *Гангеблов* утверждает, что сей донос *Свистунова* ложен. «Впрочем, говорит он, Гангеблов,— в сем случае *Свистунов*, может быть, и прав: в разговоре нашем я большею частию говорил по-русски, а он изъяснялся с чрезвычайною беглостью и возвышенным слогом на французском языке, так что я, далекий от посредственного даже знания сего последнего, многое и весьма многое не понимал, но, совестясь обнаружить свою непонятливость пред шеголем-кавалергардом (который вменил бы мне в порок несовершенное знание французского языка),— я показывал согласие в надежде на многократные будущие свидания, и, простясь с *Свистуновым*, я знал только о том, что принадлежу к тайному обществу, // (л. 21 об.) коего цель: введение конституционного правления и соединение народов Славянского племени в одно целое; равно и то, что общество распространилось на юге и в Польше».

На очной ставке

Корнет

Поручик Гангеблов

Свистунов Не допуская до очной ставки, согласился, что Свистунов, может быть, и прав, ибо он говорил по-французски, он же, Гангеблов, мало понимал язык сей, и что из слов Свистунова понял он, что есть заговор, имеющий целию введение республиканского правления, но утвердительно уже узнал от Лаппы, спустя недели две.

Поручик Гангеблов⁹³ // (л.3)

№ 11 (2)

Высочайше учрежденный Комитет требует от г[осподина] поручика *Гангеблова* следующего показания⁹⁴.

1

Где воспитывались вы? Если в публичном заведении, то в каком именно, а ежели у родителей или родственников, то кто были ваши учителя и наставники?

2

В каких предметах старались вы наиболее усовершенствоваться?

3

Не слушали ль сверх того особых лекций? В каких науках, когда, у кого и где именно? Объяснив в обоих последних случаях, чьим курсом руководствовались вы в изучении сих наук?

4

С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли или внушений // (л. 3 об.) других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?

⁹⁰ Слово «препроводить» вставлено над строкой.

⁹¹ Показания находятся в ф. 48, д. 245, л. 43—43 об.

⁹² Число вписано другим почерком и чернилами.

⁹³ Показание подписано А. С. Гангебловым собственноручно.

⁹⁴ Слова «г[осподина]... показания» вписаны в строку другим почерком и чернилами.

Первоначально воспитывался с 10-ти до 12-тилетнего возраста в Одесском институте под покровительством герцога Ришелье, с 1814-го по 1821-й в императорском Пажеском корпусе.

В сем последнем прилежал наиболее в фортификации, артиллерии, черчении планов и русской литературе.¹

Кроме нескольких уроков языка французского, взятых мною у г(осподи)на Берже (Berger) в 1820 году, никаких особенных лекций ни у кого не слушал.

Выпущенный из Пажеского корпуса, я и не воображал, чтобы можно было думать противно устоявшему порядку (1) *. Не более недели спустя наш полк выступил в поход (в 1821 году), и я был назначен в роту капитана Бутовского (Алексея), шел с ним вместе походною артелью (2) *. Капитан же Бу// (л. 4)товский был либерал. Но говорю утвердительно, если бы не жил я с Лаппою, поступал бы иначе.

Рукописей, кажется, никаких не читал. Но читал ужасную книгу *Les cabinets et les peuples*⁹⁵, которую имел от Свистунова пред отъездом его на Кавказ.

Свободные мысли никогда глубоко во мне вкоренены не были, если бы я мог только подозревать существование тайного общества, то, конечно, отказался бы не только рассуждать, но и думать о политике. Я ничуть не ревностный почитатель республики, и то правление (какого бы образа оно ни было) более мне по сердцу, где нация более благоденствует.

Желав лучше узнать, к какому обществу принадлежу, я открылся Лаппе, ибо уверен был, что Лаппа из числа членов. На другой день я заболел и не выходил из дому до половины августа, а 1 ноября отправился с батальоном в Петергоф, так что я был соучастником не более двух с половиною месяцев, в продолжение коих бывал часто у Ростовцова в намерении открыться ему и с ним посоветоваться, но никогда одного не заставал его дома.

Лейб-гвардии Измайловского полка
поручик Гангблов⁹⁶ // (л. 22)

№ 12 (9)

Прибавление к последним ответам лейб-гвардии Измайловского полка поручика Гангблова.

Еще вспомнил я следующие обстоятельства: я читал (не всю, но отрывками) запрещенную книгу: *Memoires de Napoléon par Las-Cases*, которую имел от Лаппы, а Лаппа от Назимова.

Не читал, но имел в руках два экземпляра рукописи: «*Проект исправления российской судопроизводства*», который намеревался я списать. Экземпляры же принадлежали один Лаппе, другой Кожевникову; оба они списали с экземпляра Назимова. Получив в Петергофе записку от Кожевникова, я в первую минуту решительности сжег оные экземпляры.

К вопросному пункту о лекциях имею прибавить следующее:

В конце 1824 года Лаппа, я и Кожевников условились пройти курс всеобщей истории, помнится, по предложению Лаппы. Назимов, почти незнакомый нам, узнав о нашем намерении, так сказать, напросился быть участником. Лекции (1)* начи-

* (1) «Для меня лестно упомянуть, что касательно поведения я был на отличном замечании у моих наставников» (прим. док.).

* (2) «В нашей артели были еще подпрапорщики: Андреев 1-й, Андреев 2-й и Бунин, и поручик Бутовский (Петр). С первыми тремя капитан Бутовский обходился как начальник, с братом же своим был во всегдашнем разладе; следов[атель]но, со мною говорил он чаще и искреннее» (прим. док.).

⁹⁵ «Правительства и народы» (франц.).

⁹⁶ Ответы написаны А. С. Гангбловым собственноручно.

* (1) «Где я руководствовался *Анкетилем*» (прим. док.).

нались степенно, а оканчивались толками о Соединенных Штатах, о Греции и проч[ее]. После четырех или пяти собраний едва начатый курс рушился, и впоследствии, когда открылся я Лаппе, узнал от него, что Назимов искал нас единственно с намерением короче с нами познакомиться и прекратил лекции тем, что открылся Лаппе и Кожевникову; меня же не принял: вероятно, не нашел того, чего искал.

Поручик Гангеблов ⁹⁷ // (л. 25)

№ 13 (11)

Выписка из показаний на поручика Гангеблова

Свистунов Член общества (61). С[трицица] 1.

Принят в общество Свистуновым. С[трицица] 6 на обор[оте].

Оболенский ⁹⁸ Член общества, о намерениях 14 декабря совершенно известен не был 24]. С[трицица] 16. // (л. 26)

№ 14 (12)

Копия

О поручике Измайловского полка Гангеблове

Гангеблов сознался, что принят в общество Свистуновым в апреле или мае 1825 года. Объявленная ему цель состояла в введении конституции; но средств и времени действия не открыто, сам никого не принимал и членов никого не знал, кроме Свистунова и Лаппы, из коих сего последнего узнал при самом арестовании; на совещаниях общества не бывал; в возмущении не участвовал и находился в то время в Петергофе, где расположен батальон Измайловского полка. Занятый слухами, привезенными Лаппою из столицы, и прочитав записку Кожевникова к нему, Лаппе, в коей он уведомлял о принятом намерении несколькими лицами лучше умереть, нежели присягнуть, они, Лаппа и Гангеблов, решились твердо сохранить верность данной присяге, // (л. 26 об.) но несмотря на то, они спокойно присягнули.

Показание Свистунова

По показанию Свистунова, что Гангеблов знал от него о намерении Южного общества ввести республиканское правление, опрошенный Гангеблов отвечал, что Свистунов в сем случае, может быть, и прав, ибо он изъяснялся по-французски с чрезвычайною беглостью и возвышенным слогом, так что он, Гангеблов, при посредственном знании сего языка весьма многое не понимал, но, стыдясь обнаружить сие, показывал согласие.

Не допуская до очной ставки с Свистуновым, Гангеблов объявил, что из слов Свистунова хотя и понял, что есть заговор, имеющий целию введение республиканского правления, но утвердительно уже о сем узнал от Лаппы, спустя недели две.

Сверх сего, Гангеблов объяснил, что однажды, когда он еще не принадлежал к обществу, // (л. 27) Лаппа рассуждал с ним о России, говорил о возможности переворота и на слова Гангеблова, что оный в скором времени не может случиться, возразил: «Да уж один молодец нашелся, который хотел покуситься на жизнь его величества в лагере, но не допустили потому, что слишком еще рано». После взаимного противуречия они ударились об заклад: Лаппа утверждал, что переворот случится прежде истечения десяти лет, а Гангеблов, — что гораздо позже.

Показание Лаппы

Справедливость сих слов Лаппа подтвердил в своих показаниях. Из сведений, доставленных г[осподином] командующим гвардейским корпусом, видно, что Гангеблов действительно не старался отклонять людей от принятия присяги и // (л. 27 об.) не возбуждал их к неповиновению; более сего никаких показаний на Гангеблова не сделано.

Верно: над[ворный] совет[ник] Ивановский

На подлинной докладной записке означена высочайшая резолюция за подписанием барона Дибича: «Продержав еще четыре месяца в крепости, выписать тем же чином в один из гарнизонных полков, в Грузии находящихся».

⁹⁷ Дополнение к ответам написано А. С. Гангебловым собственноручно.

⁹⁸ Ниже карандашом написано: «Назимов».